

Н. А. Шавеко

(г. Ижевск)

Права человека и его достоинство: к вопросу о нормативных обоснованиях прав человека

Права человека — общепризнанная ценность. Само понятие прав человека справедливо считается западным продуктом. Уважение прав человека является одним из основных принципов международного права, который не вправе нарушать ни одно государство. В национальных конституциях, как правило, права человека фиксируются как фундамент национального правопорядка. Но какова идеологическая (ценностная) основа прав человека? Анализ международных (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и др.), а также национальных правовых документов (например, Основной закон ФРГ) показывает, что ключевую роль в этой основе играет понятие человеческого достоинства. Именно присущее каждому человеку равное достоинство является основанием всей системы прав человека [1, с. 19–31].

Но что означает это достоинство? Ведь в правовых документах имеется лишь отсылка к нему. Раньше достоинство человека зависело не только от его качеств, способностей и поступков (например, от того, насколько искусным охотником или воином он является), но также и от его происхождения, членства в коллективе, знатности и социального статуса (например, цари и благородные сословия обладали несравненно большим достоинством): идея общечеловеческого достоинства, равно как и общечеловеческой нравственности, была долгое время неизвестна. С распространением христианства в Западном мире получает поддержку взгляд на человека как на «образ и подобие Божие», поэтому наряду с прежними критериями человеческого достоинства люди начинают наделяться достоинством и сами по себе как носители свободной воли (Пелагий, Аквинский, Мирандола и др.). Лишь в Новое время появляются учения, не просто признающие достоинство человека как таковое, но и отрицающие зависимость достоинства от происхождения, сословия и знатности (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.), что кристаллизировалось в Декларации независимости США 1776 г. [2, с. 6–80]. В это же время в рамках проекта Модерна возникают представления об универсальной нравственности. В результате, если раньше достойными считались только люди, принадлежащие к некой социальной группе либо обладающие качествами, ценными локальной моралью, то теперь

достоинство признается за каждым, а достойными называются качества, соответствующие универсальной морали [3, с. 27–29; 4, с. 57–64; 5, с. 21–33].

Унижением человеческого достоинства при таком (узком) подходе считается либо отрицание за человеком как моральным существом возможности свободного выбора, самореализации и всестороннего развития (см., напр.: ст. 7, ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, преамбулу, ст. ст. 1, 5, 22, 23 Всеобщей декларации прав человека), либо действие, которое дает необоснованный повод усомниться в соответствии морального облика конкретного человека принятым в обществе стандартам (ст. 5.61 КоАП РФ, ст. 128¹ УК РФ, ст. 152 ГК РФ).

Изложенное позволяет выявить непреходящую двойственность понятия человеческого достоинства: с одной стороны, человек обладает достоинством сам по себе или как член группы, с другой — лишь как отвечающий определенным критериям нравственности или обладающий определенными способностями или качествами. У И. Канта, уделившего человеческому достоинству много внимания, можно обнаружить, что, во-первых, достоинство человека означает его бесценность и связано со способностью человека самостоятельно устанавливать себе закон; во-вторых, человек, который не реализует свою способность следовать всеобщему закону, не обладает достоинством [6, с. 96, 98–99, 182, 189, 197, 232]. По Канту, безусловным достоинством обладает только человечество как носитель способности реализовать идею автономной воли, а достоинство конкретного человека зависит от реализации им данной идеи.

При обращении к учению И. Канта о праве можно заключить, что право для него является в некотором смысле лишь средством морали. Он пишет, что «право — это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [6, с. 285]. Но что это за всеобщий закон? Думается, это закон нравственный. Речь идет о таких правилах поведения, которые избрала бы автономная воля, и которые поэтому могут быть всеобщими. Именно их дозволяет и предписывает право. Запрещает же оно те правила поведения, которые всеобщими быть не могут. Единственное, что право не может — это заставить человека поступать не просто в соответствии с такими правилами поведения, а из уважения к ним и к обуславливающему их категорическому императиву. Сказанное означает, что право не дозволяет безнравственные поступки (те, которые неправильны независимо даже от мотива, которые автономная воля вообще не могла бы

желать). Право, таким образом, не должно допускать недостойного поведения. И это важно понять, если мы хотим обосновывать права человека через понятие человеческого достоинства.

Дело в том, что если мы понимаем права человека как естественные и неотчуждаемые, т. е. принадлежащие человеку как таковому, то никакой зависимости от нравственности здесь нет. Получается очевидное упущение, когда для обоснования прав человека используется только одна из граней понятия человеческого достоинства. Фактически речь идет о свободе без ответственности, о свободе как вседозволенности.

Сегодня далеко не все ученые согласны с тем, что права человека вообще должны иметь единое нормативное обоснование. Одни — потому что считают ценность прав человека очевидной [7, р. 190], другие — потому, что плюрализм последних моральных оснований неискореним [8, р. 124–144]. Но те авторы, которые все же пытаются найти нормативные обоснования прав человека, как правило, ссылаются на идею, согласно которой каждый человек волен по собственному усмотрению выбирать свой образ жизни, конкретные занятия и жизненный путь, и необходимо всесторонне обеспечить его возможностью такого выбора. Речь идет о восприятии человека как «морального агента» или, шире, «нормативного агента» или даже «рационального агента» (Э. Эшфорд, А. Гевирт, Дж. Гриффин, Б. Оренд, Г. Шу и др. [9–13]). Моральные добродетели при этом рассматриваются лишь как средства, обеспечивающие функционирование человека как такого «агента», т. е. не справедливое устройство общества видится средством для торжества морали (как это имеет место у Канта), а наоборот. Нравственный компонент в обосновании прав человека фактически отсутствует. Таким образом, один из двух аспектов понятия человеческого достоинства в идеологии прав человека оказывается устраненным.

Сказанное подводит нас к вопросу о соотношении права и нравственности. Возможно, проблема с современным обоснованием прав человека обусловлена следующим. Кант полагал, что существуют некие универсальные правила, образующие единый идеал поступков, и только они могут быть универсализированы. Но, как писали более поздние авторы, универсализировать можно практически любое правило. В результате сегодня принято разграничивать идеал права, позволяющий каждому реализовывать свои жизненные стратегии в той степени, в которой это не вредит аналогичной возможности других людей, и идеал морали, которая накладывает ограничения на эти жизненные стратегии даже там, где препятствий для других жизненных стратегий не создается. Право стало

пониматься как «минимум нравственности», причем, именно универсальный, а остальное (собственно нравственность) стало восприниматься как нечто культурно обусловленное. Но при таком понимании совершенно не ясно, почему нельзя использовать юридические инструменты для претворения в жизнь в том числе и идеала морали. Как представляется, сложившаяся либеральная трактовка прав человека подспудно предполагает верховенство правового идеала над моральным, но для обоснования этого тезиса прибегает к моральным по существу аргументам, и поэтому данная трактовка является противоречивой. Если же моральный идеал не ниже по своей значимости, чем идеал правовой, то это означает, что средства для реализации индивидом своих жизненных стратегий могут быть ограничены по основаниям, не связанным непосредственно с необходимостью предоставить аналогичные средства другим индивидам. И в этом смысле весьма убедительна ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая допускает ограничения прав человека в целях защиты нравственности. Проблема в том, что для определения допустимости тех или иных ограничений мы должны иметь не только убедительную теорию прав человека, но и убедительную моральную теорию. Тот факт, что универсализировать можно все что угодно, еще не дает карт-бланш либеральной точке зрения, что мы должны позволить каждому делать абсолютно все, что угодно, если это не вредит другим. Впрочем, и демократическая точка зрения, согласно которой нравственные ценности, навязываемые обществом, должны определяться волей большинства его членов, также еще нуждается в обосновании. Я лично склоняюсь к позиции, что если права человека играют роль основания всей правовой системы, то и лежащая в них ценность должна просто постулироваться как высшая «моральная истина». Если так, то она может быть как либеральной, так и нелиберальной. При этом, если мы придерживаемся этического когнитивизма (представления о том, что «моральная истина» познаваема), то лежащая в основе прав человека ценность должна быть еще доказана с помощью соответствующих методов, но характер этих методов — предмет уже другого исследования. Будет ли эта ценность совместима с либерализмом — тоже спорный вопрос.

Список источников

1. *Бондарь Н. С.* Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4.
2. *Дробышевский С. А., Протопопова Т. В.* Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве. Красноярск, 2009.

3. *Власова О. В.* Формально-правовое закрепление ценности «человеческое достоинство» // Вестник ЮГУ. 2007. № 2(7).
4. *Коломиец Г. Г., Воропаева Ю. П.* Этика человеческого достоинства в новое время // Вестник ОГУ. 2015. № 3(178).
5. *Кузнецов В. В.* Власть духа как сущность человеческого достоинства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 21-1.
6. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 2007.
7. *Etzioni A.* The Normativity of Human Rights Is Self-Evident // Human Rights Quarterly. 2010. Vol. 32. No. 1.
8. *Taylor Ch.* Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights. // The East Asian Challenge For Human Rights. / Ed. J.R. Bauer and Daniel A. Bell. Cambridge, N. Y., 1999.
9. *Ashford E.* The Alleged Dichotomy Between Positive and Negative Rights and Duties // Global basic rights // Ed. by Ch.R. Beitz and R.E. Goodin. Oxford, N. Y., 2009.
10. *Gewirth A.* Why There Are Human Rights. // Social Theory and Practice. 1985. No. 2. Vol. 11.
11. *Griffin J.* Discrepancies between the Best Philosophical Account of Human Rights and the International Law of Human Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 2001. Vol. 101.
12. *Orend B.* War and international justice. A Kantian perspective. Waterloo (Ontario), 2000.
13. *Shue H.* Basic rights: subsistence, affluence and U.S. foreign policy. Princeton, 1980.